

Юрий Мамин прорубил «Окно в Париж»,

Режиссера Юрия Мамина я встретила в Суздале на Международном кинофоруме, куда он привез свой фильм «Окно в Париж». Но если кинофорум собирался, чтобы в очередной раз обсудить, каким быть кино XXI века, то Юрий Мамин приехал из Питера за деньгами и этого не скрывал. То есть сначала победить, а потом получить от Роскомкино деньги на постановку новой картины.

Не победил и не получил, но на момент нашего разговора еще не знал об этом. Иначе, думаю, был бы куда более едким в своих высказываниях.

Кстати, в его гостиничный номер, выбранный местом для беседы, мы попали не сразу. Режиссер был твердо уверен, что нужная дверь по ходу движения — слева. Мы возвращались на лестничную клетку и вновь заходили на цель. Результат не обнадеживал. Дверь в конце концов, действительно, оказалась на левой стороне, только этажом ниже.

Юрий Мамин, автор фильмов «Праздник Нептуна», «Фонтан», «Бакенбарды» и «Окно в Париж», не ходит в разных ботинках, благополучно к комфорту и красивым женщинам, но путает этажи. Что тоже есть признак.

— Все тут думают о кинематографических манифестах, а вы говорите о деньгах. Как вы вообще пришли в кино?

— Я рассматриваю дело с практической стороны, житейской, потому что моя молодость в кино не совпадает с моей молодостью в жизни. Моя молодость в жизни прошла под знаком театра, а хотел быть театральным режиссером, работал в Малом драматическом театре. К сожалению, в то время в Ленинграде парила мафия Товстоногова Георгия Александровича...

— Почему вы называете это мафией?

— Потому что он был такой некоронованный король театров и все театры подчинил себе, поставив там своих учеников. Захватив эти места, они, конечно же, встали плотно, и была масса интриг, множество скандалов, которые папаша прикрывал, я имею в виду Товстоногова. Он хотел, чтобы в Москву прибрала сильная личность была. Я в данном случае не говорю о его профессиональных и художественных достоинствах, он вызывает уважение как режиссер. Но его царство и господство обернулось большой трагедией для всего поколения моих коллег. Многие спились, многие уехали за грани-

Кадр из фильма «Фонтан».

цу, одним словом, не состоялись.

— О вас не скажешь, что вы не состоялись.

— Есть во мне такое упрямство — начинаю особенно успешно работать в трудных обстоятельствах, когда что-то проваливается. Вот когда ничего нет, тогда у меня возникает азарт, тогда я становлюсь довольно свирепым. И все отступает, и я могу очень многое сработать, когда такая решимость. Она возникает, когда я уверен абсолютно в том, что я прав, художественно, допустим, прав. Я знаю, что придумано блестяще. А мне говорят — это плохо. Я свирепею. Когда я сомневаюсь, тогда у меня силы нет. Но тут я свирепею, потому что знаю, что это хорошо.

Художник, если у него есть художественное чутье и одаренность, всегда понимает, что ему удалось. Поэтому Пушкин и воскликнул после «Бориса Годунова»: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

— Вы завершали фильм Виктора Аристов «Дожди в океане». Что вас подвигло на это, ведь вы снимаете совсем другое кино?

— Он был моим другом, большим другом. Когда мне обратилась его вдова, я, несмотря на свои планы и даже не видя материала — ведь он мог быть и неудачным, — сказал: «Да». Материал был разбросанный, разрозненный, и я долго возился, чтобы понять, что же он хотел сделать. Я пытался сделать его кино, потому что очень хорошо его знал, мы были очень близки. Вообще для меня минувший год был голом тяжелых потерь: 2 января умер Аристов,

в конце марта умер Витя Михайлов, мы с ним тоже вместе учились, он играл в моих фильмах и тоже был моим большим другом. Это были самые тяжелые удары. Дальше пошли те, к которым я уже привык.

— Например?

— Ну вот французы вдруг в последний момент пропали и не дали денег на картину, хотя сценарий был написан по их заказу. Мы его с Аркадием Тигаем сделали, а они начали тянуть. Мы хотели соскочить с этого взаимного сотрудничества, но они уговорили остаться. Так они тянули, пока у них что-то не сорвалось у самих. В результате я оказался в таком денежном цейтноте, что пришлось продать все, заработанное на «Окне в Париж». Взял все в свои руки и стал искать возможности делать что-то. Согласился на постановку в театре, поставил пьесу.

Спектакль, он называется «Кремлевские куранты, или Приезжайте к нам лет эдак через...», сейчас идет с большим аншлагом в Театре на Литейном.

— Так все-таки, что вы думаете по поводу того, каким быть новому кино?

— Я считаю, что оно должно быть построено по принципу слоеного пирога. То есть оно должно быть интересно разным категориям зрителей разными своими достоинствами. Самый примитивный слой зрителей рассматривает сюжет, который можно рассказать своему приятелю: там было так, а он ее вот так... И для этой категории зрителей не важно: мексиканский ли сериал идет или фильм Феллини, для них

но в Суздале
ошибся дверью

данном случае о необъективности жюри кинофестивалей. Шкала ценностей перекорена, а зритель ориентируется на эту шкалу. Ориентируется, потому что наше население, я должен констатировать с сожалением, не обладает большим умом. Народ оставляет желать лучшего, и хотя говорят: народ мудр, он выберет... Нет. Многократно доказано, что не мудр и не выберет.

— Ужас какой. Кто же ваше кино пойдет смотреть после таких заявлений?

— А народ еще и не читает. Вы думаете, у нас так читают газеты? Те, кто читает, согласятся, да, скажут они, так и есть. Ведь никогда дурак про себя не подумает, что он дурак, он подтвердит: и ведь, действительно, прав Мамин, и я тоже считаю, что вокруг одни дураки.

— Традиционный вопрос: ваши планы на будущее?

— У меня два сценария готовы, два синопсиса будущих произведений; третий сценарий написан наполовину. Есть еще, кроме того, много-много всяких идей. Но если я окажусь совсем без денег, то придется пока с кино попрощаться.

Мало того что это обидно, но скорее — это удивительно. Я человек, который делает самое коммерческое кино, причем оно не просто собирает зрителей в зале, а имеет международное признание, получает за границей престижные награды и премии. Я из тех редких режиссеров, что могут противостоять экспансии американского кино. И я не получаю от Роскомкино денег на свои картины. Я спрашиваю себя: в чем политика этого министерства, чем они занимаются? Вроде, по логике, такого режиссера надо найти, дать ему денег и уговорить: «Снимай!», даже если он этого делать не хочет. Но этого не происходит. Я не могу найти денег, и никого это не волнует.

В конце концов я и так живу, у меня достаточно счастья для того, чтобы быть счастливым. Но если так происходит, значит, такая страна, такое правительство, такие люди, абсолютно ни за что не отвечающие, не имеющие личностного подхода. Нет хозяев нигде. Один не хозяин в кино, другой не хозяин в стране, так, лавируют, лишь бы на своем месте удержаться.

Беседовала
Татьяна ФИЛИПОВА.
(Наш корр.).

Фото Геннадия ПОПОВА.